

Визобразительном искусстве есть жанр городской, или, как еще в 30-х годах минувшего века его называли, урбанистический, пейзаж. Город художника как живой организм: он окрашивается в настроение, а порой и в судьбу автора. Художественная память крепче и точнее любого архивного документа. Если Москва — как не восхититься поленовским «Московским дворником» и в то же время не молвить: «Неужели?» Сейчас и «Новая Москва» в картине художника Пименова ничем нас не поразит... Город Витебск. В нашей памяти сразу возникает Витебск Шагала. Если Красноярск, как не упомянуть Василия Сурикова или Андрея Поздеева, художников минувшего столетия. Тысячи городов запечатлены в художественных произведениях — какая яркая память об их жизни!

1940 год. Письмо художника Алексея Шишкина (1898–1963), адресованное брату Василию: «Итак, я живу в Хабаровске. Город большой, но очень неблагоустроенный. Только одна Улица заасфальтирована, засажена деревьями, освещена... Остальные улицы — причудливое сочетание деревянных лачуг с каменными зданиями, зачастую без электричества, без радио и водопровода. Город расположен очень живописно — на трех холмах, идущих параллельно, между ними протекают две речушки: Плюсинка и Чердымовка, впадающие в Амур; очень шумен и пылен, грязен летом, очень холоден, с вертикально поднимающимися дымами зимой, с очень красивым и могучим Амуром. Есть парк культуры и отдыха, выходящий на Амур. Один драматический театр, два кино, театр музыкальной комедии, два музея (краеведческий и художественный), научная библиотека, медицинский и педагогический институты, Дом пионеров, музыкальное училище, союзы советских писателей и художников, школы, больницы, военные учреждения, подobaющие красавому центру. Как видишь, город по перечисленным культурным учреждениям неплохой, но жизнь здесь очень дорогая...» Касательно культурных учреждений ничего и не изменилось. Будто сегодня пишет художник и относительно того, что дорогой очень город (далее он описывает, сколько стоит картофель, мясо, молоко). Письмо человека молодого, но много испытавшего. Алексей Шишкин пишет брату просто и живописно, так же, как и создает свои акварели Хабаровска. К сожалению, этот художник у нас почти забыт, о нем знают коллеги старшего поколения да музейные работники, хотя его работы находятся в музеях Владивостока, Хабаровска, Иркутска. Участник тридцати пяти художественных выставок. Где его многочисленные картины, портреты, пейзажи?

Шишкин Алексей Васильевич родился в 1898 году в Москве. Отец погиб во время железнодорожного крушения, когда Алексею едва исполнилось четыре года.

Мать, оставшись с пятью детьми, прожила в невероятных лишениях два года, не выдержала и сошла с ума. Их, пятерых детей, «добрые» соседи нашли в подвале и определили в различные приюты Москвы. Шестилетний Алексей скитался по приютам, но потом они с братом Василием все-таки нашли друг друга. В письмах он подробно рассказывает ему и о своих творческих планах, и о поездках.

В галерее Федотова две акварели Шишкина — «У Хабаровского утеса» (1963) и «Лодки» (1963). Холмистый берег Амура усыпан лодками. Река-кормилица, река, определяющая жизнь, стало быть, присутствует промысел рыбаков. Какой Хабаровск без набережной Амура? Акварели мастерски выполнены в классическом их понимании, вода реки на них почти осязаема, даже в солнечный день она не бывает голубой, яркость дню прибавляют окрашенные на вкус хозяев лодки — синие, зеленые, красные... Все давно изменилось, другая набережная Амура, другие лодки, больше предназначенные для отдыха. Давно ушедшая жизнь, но благодаря художнику эту жизнь будут помнить.

Какое чудо акварели Хабаровска Бронислава Тамулевича (1957–2017)! Хабаровск в них тает в дивном ощущении ароматов осени, лета, утопает в пушистости снежной зимы. Его акварели выполнены в технике *алла прима*, быстро, в один сеанс. И эта техника требует точной кисти, которая возможна только при большом мастерстве автора, ну и, конечно, вдохновении. Алла прима, стало быть, виртуозное мастерство и возможность быстро передать восторг, восхищение, свои эмоции: когда работаешь долго, тщательно, возникают иные чувства, иные замыслы. Алла прима своей изящной манерой позволяет преднамеренно не заполнять пространство белого листа, и эта незавершенность, недосказанность также работает на образ. Если кратко характеризовать акварели Тамулевича — в них поэзия чувств в красках.

Горожане всегда любят свой город за его прошлое, его историю. Чем старше город, тем веселее его культура. Хабаровск Евгения Базилевича любят за щемящую память о старых улочках Хабаровска: Шевченко, Комсомольской, Тургенева... Его акварели восстанавливают в нашем сознании ушедшую жизнь, наше тоскующее прошлое; хотя дома немного покосившиеся, но за каждым — чья-то жизнь, судьба. В изобразительной доскональности, в подробности каждой детали старого дома вы почувствуете осязаемость деревянного зодчества, его рукотворность и подлинность в деталях, которая повеждает, откуда прибыл хозяин дома. Дальний Восток — самая толерантная территория, отсюда и собирательность многочисленных культур.

Хабаровск как самостоятельный объект, как город со своей архитектурой, воздухом, колоритом, характером жизни, в конце концов, как живой персонаж. Это, прежде всего, город Владимира Хрустова. Он создается не одно десятилетие и вместе с творчеством художника растет и меняется. Молодой Хрустов писал, точнее создавал, свой Хабаровск как неповторимый и драгоценный, поэтому ему недостаточно было изобразить его только в масляной живописи. Чтобы запечатлеть город на века, он в краски вплавляет золотую или серебряную фольгу. Весомо. Любимый город, красивый, уютный и в то же время торжественный, как на картинах старых мастеров. В этих городских пейзажах наряду с факсимиле, подписью художника, непременно есть еще одна деталь — знак хозяина города в виде возвращающегося утром, немного уставшего кота, точнее его определение, или крошечной собачки, задиристой забияки. Город строится и меняется, изменился и Хабаровск Хрустова, его живописная манера. Но взгляд на городской пейзаж остался у художника прежним. Он внимателен к небольшим оазисам: маленький двор с его отдельной жизнью, отдельные дома, где присутствует своя особая атмосфера. Внимание к самому каменному существу, каждому дому как архитектурной единице, а главное — умение увидеть, как влияет среда на это существо в зависимости от времени года, дня, от ракурса смотрящего и так далее. Порой

дом, который ты хорошо знаешь, мимо которого сотню раз проходил, художник заставляет увидеть заново, совершенно по-новому.

Что касается архитектуры нашего города, эпоха готики или даже классицизма не оставили свой след, город слишком молод. Его коснулись пышность сталинского барокко, модерна, он весьма интересен еще и с точки зрения купеческой застройки, основательной и на века. Город неинтересен, если он не имеет исторической данности. И здесь уместно вспомнить совсем забытого самодеятельного художника Георгия Семеновича Бочарова (1914–1993). Около его работ, выполненных карандашом, всегда толпились любознательные зрители. Всем было интересно увидеть город столетней давности, тем более столь подробно запечатленный, город деревянный, с неосвященными улицами, но очень зеленый. Через его рисунки, как в документальной хронике, возникала незнакомая жизнь, уклад прошлого. Он помнил старые названия улиц, например Протодьяконовская, на которой располагалась синагога (затем стала называться улицей Фрунзе). В бывшем здании синагоги находился музей западноевропейского искусства. Сейчас на этом месте новые высотные дома, и уже к ним применить стиль архитектуры невозможно, называют просто — новодел. Благодаря рисункам Бочарова можно «восстановить» варварски снесенный, чтобы не мешал новой вере, вере в коммунизм, Успенский собор. Но помимо прекрасных рисунков города не менее интересны его быстрые зарисовки людей под названием «Наброски в трамвае». Жителю Хабаровска любопытно увидеть, например, площадь Ленина 1925 года, тогда она еще называлась площадь Свободы, на которой в это время устанавливался памятник Ильичу, канонизированный памятник скульптора М. Г. Манизера. Не могу сказать, какое это в количественном плане повторение Ленина, так как скульптура художника Манизера существует в десятках, сотнях копий. Но Ленин, установленный в Хабаровске, — подлинник автора и в художественном смысле считается лучшим воплощением вождя. На площади Свободы зимой заливался каток, летом играли в футбол. В 1949 году началась реконструкция площади, памятник был перемещен, его расположили по оси площади. В 1951 году закончилась ее реконструкция, и площадь стала называться именем И. В. Сталина, а в 1957-м, в связи с известными событиями, была переименована в площадь имени В. И. Ленина. Очень символично, что катались на коньках и играли в футбол, пока площадь называлась площадью Свободы, затем она приобрела общественно-политическое значение, на ней стали проводить парады, митинги. . .

Что касается скульптуры, наш город пустынен. А между тем наличие монументального искусства, к которому относится и скульптура, свидетельствует о статусе города, его истории и культуре. Восстановление памятника Муравьеву-Амурскому скульптора Опекушина в 90-х, генерал-губернатору, подписавшему Айгунский договор, было большим событием для Хабаровска. Варварские поступки следует исправлять, и это правильно. Хорошо бы восстановить еще и парковую скульптуру Геннадия Невельского. Она была расположена в парке отдыха и замечательно соответствовала описанию решительной и динамичной личности мореплавателя. Конечно, каждому хабаровчанину известен памятник землепроходцу Ерофею Хабарову, установленный в 1958 году, автор Мильчин Ян Абрамович (1912–1994). Я не забыла и о недавно установленном памятнике капитану Дьяченко. Не буду рассуждать о месте, ему отведенном, одно скажу: трудно его обозреть — скульптура должна размещаться в пространстве и должна восприниматься объемно, как того требует ее пластическое воплощение. Монументальное искусство всегда является реализацией государственного заказа и потому отражает время и масштаб государственной политики, ее приоритеты прежде всего. В 90-е годы, хотя их и называют лихими, ожидания человеческие, как всегда, были возвышенными: именно в эту пору был восстановлен памятник Муравьеву-Амурскому, а также «по требованию»

народному воссоздали разрушающийся памятник Пушкину, правда, немного в ином воплощении. Памятник имеет историю свободных замыслов. Первоначальная история гласит, что создал его пленный японец, самозабвенно любящий поэта. Поскольку скульптор не был профессионалом, произведение приходилось часто реставрировать, чем занимались в основном студенты художественно-графического факультета. Этот памятник Пушкину существовал как часть обители института и соответствовал эстетике 50-х годов. Первоначально размещался он в зеленой зоне, и венчал пространство лавровый венец вокруг него. Здесь же были расположены скамейки, на которых рядом с Пушкиным часто сживали студенты или абитуриенты с беспокойными родителями. В нынешнем Пушкине не потревожен основной замысел скульптуры, то бишь привычный образ поэта, но в соответствии с профессионализмом скульптора привнесены изменения. Были соблюдены пластические пропорции и каноны образа скульптуры. Теперь памятник на всеобщем обозрении, но чаще мимо него проходят спешащие на автобусную остановку пешеходы, и он, Пушкин, опершись на книгу, немного грустит по прежнему покою. Доверили эту работу единственному на тот момент профессиональному скульптору из Комсомольска-на-Амуре Надежде Семеновне Ивлевой, главное — поэт Пушкин, «наше все», не исчез из города Хабаровска.

Художник Юрий Кукуев (1945–2006) — выпускник Ленинградской академии художеств. Его творчество как скульптора, к сожалению, осталось только в гипсе, в материал перевести он не смог. Отлить скульптуры в материале — занятие очень дорогое, для этого непременно должны существовать производство, завод, и, конечно, должно быть желание руководителей города, края, осознающих необходимость этого искусства. В нашем городе, а также в других на Дальнем Востоке, чаще всего устанавливались памятники революционного содержания. Всем хабаровчанам известен монумент героям Гражданской войны на Дальнем Востоке советского скульптора А. П. Файдыш-Крандиевского (1920–1967). Он был выполнен в 1956 году в бронзе, ему служит постамент из гранита. Установлен памятник в центре Комсомольской площади, правда, взамен Успенского собора. Надо сказать, этот памятник как художественное произведение весьма высокого уровня, лаконичен по содержанию и замечательно венчает пространство площади.

Минуло время, общество немного успокоилось, хотя спор «за белых или красных» еще бытует. В это время хорошо устанавливать вечное — скульптуры поэтов, великих гуманистов, например памятник Вавилону, тому, кто хотел накормить человечество. Быть может, и скульптура Николаю Васильевичу Гоголю Юрия Кукуева не помешала бы Хабаровску — так мало возвышающего духа в городе. Скульптура существует в гипсе, а что касается замысла и художественного решения, это тот редкий случай, когда образ Гоголя исполнен совершенно, в нем художнику удалось выразить трагическую гениальность писателя. Для этого не надо по привычке обращаться в Москву, считая, что все гениальное только там. Надо избавляться от ощущения ущербности, это, во-первых, опрометчиво и, что немаловажно, дорого.

Что касается монументального искусства в архитектурном пространстве, росписи или мозаики, увы, оно не заслуживает большого внимания, разве только девушка художника Долбилкина на торце института физкультуры... Хорошая девушка — комсомолка, отличница, спортсменка. Пожалуй, и все. Есть лепнины в бетоне, запечатленные как часть архитектурного замысла: то ли кепка, то ли раскрытая книга на фасадах. Унылость архитектуры типовой застройки трудно было оживить... В 90-е годы наряду с восстановлением памятников, на которые собирали деньги всем народом, уничтожались другие памятники культуры. В тишине, без демократического обсуждения, в соответствии с новыми вкусами новых хозяев исчезла замечательная роспись, выполненная в технике *альсекко* (по сухой

штукатурке), авторов Бориса Федоровского и Владимира Селиванова. Пожалуй, единственное достойное произведение монументального искусства, в замысле которого — посвящение Дальней России, ее освоению первопроходцами, ее настоящему и будущему. А ведь монументальное искусство всегда считалось частью идеологического фронта, вспомним ленинский план монументальной пропаганды. Ничто так не воздействует на сознание как сила вдохновенной веры.

Мне очень нравится наш город, запечатленный в графике. Графика — искусство динамичное и мобильное, ее произведения могут охватить большой срез событий, поскольку есть возможность создавать серии в несколько десятков листов, особенно это касается гравюры. Хорошая графика при кажущемся аскетизме ее выразительных средств — черное-белое — дает возможность безграничной фантазии, заставляет включать воображение. На заре существования техники офорта бытовало выражение «блеск резца», что указывало на прекрасное владение мастера штихелем. Он должен быть виртуозным рисовальщиком, его работа связана с травлением металла, пластиной цинка и, конечно, всевозможными приемами, которые всегда связаны с дополнительными ухищрениями художника. Офорты города Хабаровска 60–80-х годов Александра Гурикова, Валерия Смирнова. Черно-белая графика создает художественную документальную историю жизни города, историю государства. Но графике подвластна и глубина человеческих размышлений. Как замечательно мастер может передать город, погруженный в бархат ночи, в его таинственную жизнь, как в офортах Роберта Юрьянова. Маленькая ремарка личного наблюдения: искусство гравюры всегда актуально в современной жизни с точки зрения эстетической — достойно организует пространство интерьера не только делового, но и, например, музыкального салона... Познакомьтесь с графикой Быкова, его сериями «Минус Человек», «Встреча в пути», графическими листами «Дикие птицы», «Морской дьявол». Вас восхитит умение мыслить, художник погружает нас в новые миры, связи. Через обыкновенное («Птицы», «Вечерний мотоцикл») можно открыть удивительные пространства в масштабе вселенной. Воистину «ширина горизонта зависит от высоты глаз смотрящего».

Николай Холодок. Через ажурную текучесть линий можно узнавать и эмоционально додумывать город, его отдельные уголки или детали знаковых объектов. Вот речной вокзал, хорошо знакомая лестница, ведущая к зданию старой киностудии. Исчезло документальное кино, видимо, нет потребности в увековечивании происходящих событий. Художников привлекают дома минувшего века, его начала, и в этом нет никакой загадки: строили добротнo, масштабнo и на века. Потому зрители очень любят узнавать свой город тех времен, город предшественников.

Напротив, совершенно по-новому наш Хабаровск звучит в пейзажах Андрея Павленковича. Город, погруженный в свои живые ощущения весны, осени, в настроение после дождя, в чувства внезапной радости — свежие чувства молодого города. Оттого воздух в пейзажах окрашивается в цвета нежной зелени или голубого утра. Хабаровск вечерний окутан легкой сиреневой дымкой захода солнца. И если город уютных мест — воспоминания, то город Павленковича воспринимается как среда с запахом природного ландшафта, воздуха, потому что все окрашивается в ощущения автора и передается почти осязаемо нам. За такие чувства и восхищают нас импрессионисты, за это мы их и любим. Вот, пожалуй, далеко не полно о творчестве художников, которые любят Хабаровск, живут вместе с нами здесь и сейчас, а также о тех художниках-урбанистах, кто оставил нам память о нашем городе, с поклоном и благодарностью к ним.

